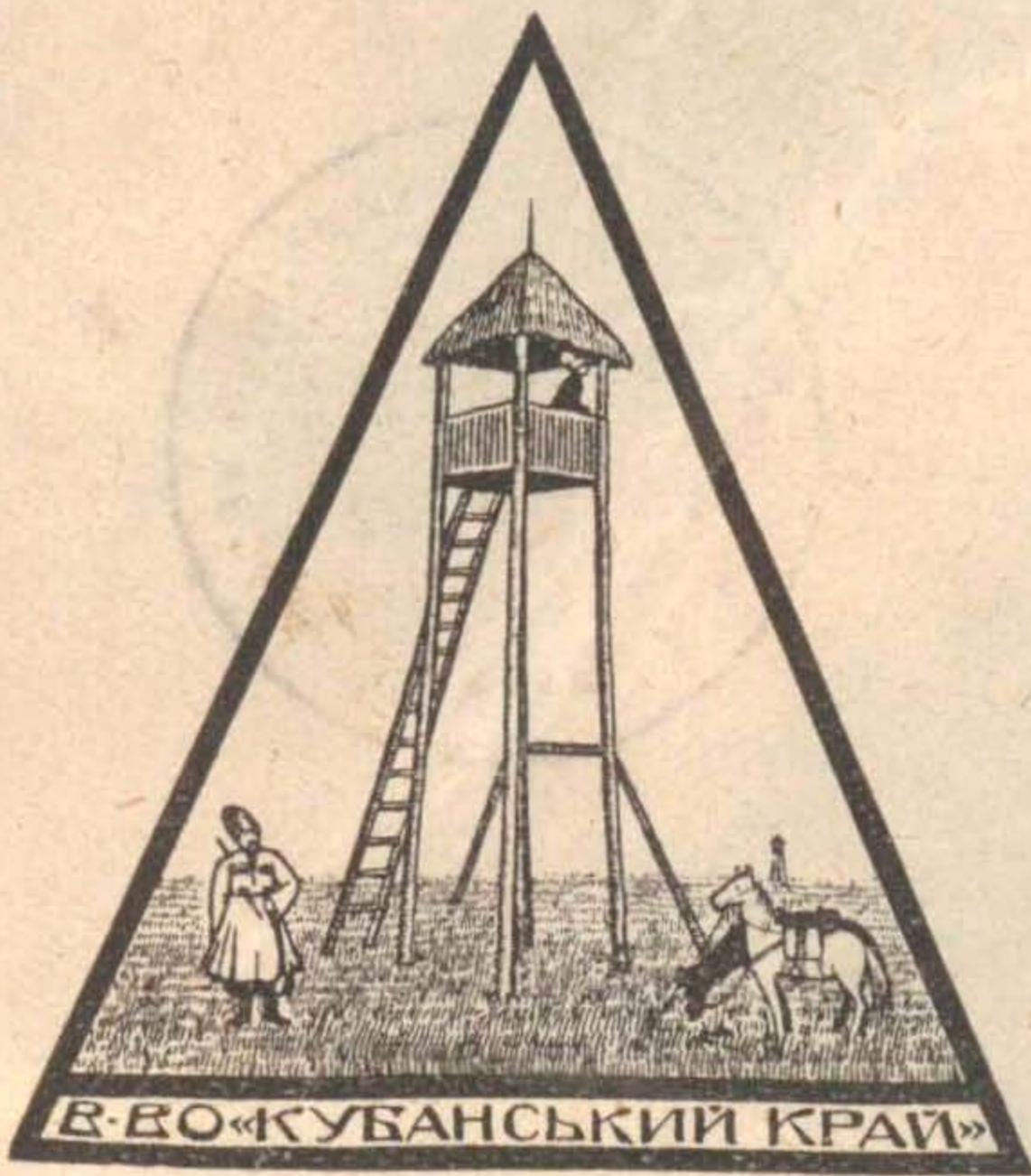
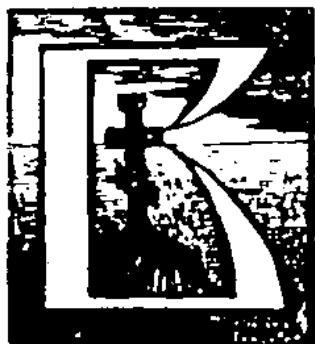

П. Сулятицкий

Разгром
Кубанской Краевой Рады
в ноябре 1919 года.

Прага 1931.

есной 1917 года власть в бывшей Российской империи перешла к Временному Правительству. Но в конце того же года против Временного Правительства подняли восстание русские коммунисты. Это восстание закончилось разгоном Российского Учредительного Собрания, ликвидацией Временного Правительства и захватом власти русской коммунистической партией.

Некоторые народы и края бывшей империи, а между ними Украина, Дон, Кубанский Край и народы Кавказа, новую российскую власть не признали и, самоопределившись, отделились от России.

Россия не захотела помириться с самостоятельным существованием отделившихся народов и пошла на них войной.

Несколько русских генералов, занимавших в русской армии высшие командные должности, после большевицкого переворота очутились на Дону. Одни из них просто спасались от коммунистов, а другие надеялись на юге бывшей России организовать попытку свергнуть большевиков в Москве. Пользуясь гостеприимством Дона, они организовали здесь

небольшой военный отряд, назвав его „Добровольческой армией“. Во главе этой армии стал генерал Корнилов. Добрагармия первоначально намеревалась, низвергнув власть коммунистической партии в России, созвать новое Учредительное Собрание.

В феврале 1918 г., после нажима русских красных войск на Дон, Добрагармия отступила на юг.

В Кубанском Крае, который провозгласил себя независимой от России республикой, Добрагармия встретилась с кубанскими войсками, оставившими под натиском тех же русских войск столицу Края — Екатеринодар. 17 марта 1918 г. в станице Новодмитриевской между Добрагарией и кубанцами было заключено письменное соглашение о совместной борьбе с русской коммунистической властью.

Пока жив был ген. Корнилов, отличавшийся от своих сподвижников — русских генералов тем, что не был сторонником монархического строя и сочувственно относился к народам, уязвленным Россией, между кубанцами и Добрагарией значительных трений не наблюдалось. Когда же, после смерти ген. Корнилова, во главе Добрагармии стал ген. Деникин, отношения между ними начали портиться.

Еще во время совместного похода из пределов Кубанского Края на Дон Добрагармия откровенно выявила свою действительную физиономию. Кубанцы имели много случаев убедиться в том, что программа Добрагармии

уже иная, и что судьба их связала с русской монархической военной организацией, имевшей своей целью создание единой неделимой монархической России в довоенных границах.

Однако, несмотря на это, когда кубанцам нужно было окончательно решить, с кем совместно следует им бороться против России за освобождение своего Края — с Украиной или с русской Добрармией, они — в лице уполномоченных Законодательной Рады — остановили свой выбор на Добрармии. За совместную борьбу с Украиной против России высказалось меньшинство этих уполномоченных. (Совещание членов Законодательной Рады в июне 1918 г. в Новочеркасске.)

Немедленно после принятия этого решения начался 2-й Кубанский поход. Никакого договора при этом кубанцы с своими союзниками не заключили, и Кубанский Край от поползновений на него Добрармии не обеспечили.

Все кубанские военные силы были отданы в полное распоряжение ген. Деникина.

Ген. Деникин из этого упущения кубанцев постарался извлечь для своего дела как можно больше пользы. Он присвоил себе права верховного главнокомандующего и, опираясь на „положение о полевом управлении войск“, решил использовать кубанцев и все богатства Кубанского Края для свержения существующей в Москве власти и для завоевания отделившихся от России народов, а в первую очередь народа украинского и народов Кавказа.

На пути к достижению своей цели ген. Деникин после освобождения Кубанского Края от большевиков посыпает кубанцев воевать с Украиной и народами Кавказа. А по отношению к Кубанскому Краю ведет себя не как союзник, который сердечно был принят кубанцами и пригрет, а как завоеватель в покоренной стране.

Ген. Деникин вмешивается во внутреннюю жизнь Кубанского Края, не считаясь с его самостоятельностью. Он почитает интересы Края, который, нужно сказать, все сделал, чтобы Добрармия и оперилась и окрепла. Кубанцы, например, разрабатывают план, как лучше разрешить у себя земельный вопрос, а ген. Деникин требует изменения этого плана. Кубанцы проектируют открыть у себя дома, в Екатеринодаре, судебную палату, а ген. Деникин требует, чтобы они ездили судиться в Новочеркасск. Кубанцы решают открыть для себя в Екатеринодаре военную среднюю школу, а ген. Деникин протестует против этого. Кубанцы желают иметь свою кубанскую армию, а ген. Деникин им этого не позволяет и все делает, чтобы Кубанский Край своей армии не имел.

С проникновением Антанты в Черное море (в конце 1918 г.), Кубанский Край стремится восстановить заграничную торговлю, чтобы в обмен на свое сырье получить из Европы нужные ему товары, а ген. Деникин все делает, чтобы кубанцы не имели непосредствен-

ных сношений с Европой. Захватив в свои руки Новороссийский и Туапсинский порты, он на товары, идущие из заграницы для кубанцев, накладывает пошлину в пользу Добрагмии, а кубанское сырье забирает по низким твердым ценам, продавая их потом втридорога.

Но Добрагмия не только берет в свои руки торговлю Кубанского Края, а употребляет все меры к тому, чтобы разбазарить колоссальные запасы кубанского сырья. К Кубанскому Краю предъявляются требования на предметы потребления в количествах, какие во много раз превышают действительные потребности армии. А чтобы побудить кубанцев удовлетворять эти требования, командование Добрагмии не стесняется даже организовывать „депутации к Раде от воинских частей с фронта“ с жалобами на Кубанское правительство, которое будто бы не дает на фронт ни фуража, ни продовольствия. (Вот один из таких примеров требований Добрагмии: в июле 1919 г. ген. Врангель потребовал от Кубанского правительства для своих частей продовольствия и фуража на 80.000 воинов, а в августе — на 110.000, а в то время эти части имели не более 10.000 душ.)

Нужно еще добавить следующее: командование Добрагмии получало от Кубанского Края очень значительные материальные средства, и в то же время оно на кубанцев почти ничего не тратило. Кубанские полки, батальо-

ны и батареи кормил сам Кубанский Край, и состав их снаряжался или за свой счет или за счет противника.

Известно, что от Антанты получались в изобилии и оружие и обмундирование, но в то время, как взятых в плен русских солдат, которыми пополнялись части Добрармии, обували и одевали иногда целыми частями во все новенькое, а они после этого удирали из Добрармии обратно домой, к себе в Россию, кубанцам отказывалось в самом необходимом. Кубанцам говорилось, что они — казаки, что они сами о себе должны промышлять...

Естественно, что кубанцы боролись с Добрармией как за свое право жить без указки со стороны русского ген. Деникина, так и за право распоряжаться и собой и своим добром так, как они считали для себя более полезным и более целесообразным. Естественно, что и Законодательная Рада и Краевое Правительство боролись за права и интересы Кубанского Края. В этой борьбе часть кубанцев во главе с Войсковым Атаманом А. П. Филимоновым, Д. Е. Скобцовым, Ф. Н. Фендриковым, генералами — В. Е. Науменком и А. Г. Шкурою и другими, для которых интересы „единой-неделимой“ были выше счастья и блага Кубанского Края, стали на сторону Деникина и все время усиленно поддерживали его, часто играя предательскую роль по отношению к родному Краю.

* * *

Опьяненный летними успехами на фронте, когда, казалось, недалеко уже была Москва, ген. Деникин решает силой сломить кубанцев и заставить их беспрекословно подчиниться ему и выполнять все его требования. Но этому мешала Кубанская Законодательная Рада. Значит, ее нужно уничтожить. Значит, нужно сосредоточить всю власть в руках Войскового Атамана, который, как казалось ген. Деникину, всегда может быть „своим“ человеком.

Командовавший Кавказской армией ген. Врангель держался того же мнения, что и ген. Деникин. На основании своих разговоров с Войсковым Атаманом ген. Филимоновым и генералами Науменком и Покровским, он пришел к мысли, что Законодательную Раду очень легко уничтожить, а всю власть очень легко передать в руки Войскового Атамана. И вот ген. Врангель предлагает ген. Деникину такой план окончательного покорения Кубанского Края: ко времени открытия сессии Краевой Рады в Екатеринодаре там же сосредоточиваются под командой ген. Покровского надежные войска; он, ген. Врангель, выступает в Краевой Раде с требованием изменить конституцию Кубанского Края; а группа членов Рады — приверженцев Добрагмии немедленно внесет заранее подготовленный проект желательных изменений. Если Краевая Рада примет их, войска, после парада будут отправлены на фронт, а если нет, ну, тогда

ген. Покровский по-своему об'яснит ей в чем дело...

Ген. Деникин одобрил этот план и даже прикомандировал к ген. Врангелю для составления проекта изменений кубанской конституции профессора Соколова. Тогда же Командование Добрармии решило, что дальнейшее пребывание ген. Филимонова на посту Войскового Атамана нежелательно. А что касается лица, которое его заменило бы, то ген. Деникин ничего не имел против ген. Покровского и несколько позже даже уполномочил проф. Соколова составить для ген. Покровского проект надлежащих приказов и воззваний на случай избрания его Войсковым Атаманом. Генерал же Врангель имел своего кандидата в Атаманы — ген. Науменка.

Получив надлежащие полномочия от ген. Деникина, ген. Врангель едет в Екатеринодар, где посвящает в дело ген. Науменка, как „человека, отлично отдававшего себе отчет в необходимости изменить существующий порядок вещей“, и ген. Покровского.

Ген. Покровский предложил попросту разогнать Раду и посадить Атамана, облеченного всей полнотой власти. Ген. Науменко склонился к плану ген. Врангеля, который и был принят.

Возвратившись в Царицын, ген. Врангель останавливает свой выбор, как на наиболее надежной части, на бригаде полковника Буряка и перебрасывает ее в Екатеринодар.

Но эта казачья бригада в решительную минуту могла все же оказаться недостаточно надежной. Допускалось, что казаки не только не будут разгонять Кубанскую Раду, а встанут на ее защиту, поэтому в станицу Пашковскую (7 верст от Екатеринодара) перебрасываются еще Корниловский и Марковский полки, а в Екатеринодар командируются в распоряжение полк. Карташева группы надежных офицеров из разных частей, не исключая и конвоя самого ген. Деникина.

Но для таких мероприятий все же нужен был какой-нибудь повод, и этот повод ген. Деникин находит в договоре дружбы Кубанского Края с Горцами Северного Кавказа.

* * *

Еще летом 1919 г. на Кубани стало известно, что находившаяся в Париже Кубанская делегация на мирную конференцию во главе с председателем Законодательной Рады Л. Л. Бычевым, подписала с делегацией Горцев Северного Кавказа проект договора дружбы между Кубанским Краем и Республикой Горцев Северного Кавказа. Но ген. Деникин только теперь, осенью, обращает свое внимание на этот договор и 25. X. 1919 г. приказывает ген. Врангелю предать военно-полевому суду за подписание его Л. Л. Быча, ген. Савицкого, А. И. Кулабухова и А. А. Намитока, входивших в состав кубанской делегации. А. И. Кулабухов в это время уже на-

ходился в Екатеринодаре, куда приехал из Парижа по поручению делегации с докладом Правительству и Раде.

Вечером того же дня (25. X.) ген. Врангель приезжает в Екатеринодар и в присутствии проф. Соколова совещается с генералами Науменком и Покровским. На этом совещании было установлено, что нужно вообще положить конец деятельности кубанских самостийников, для чего необходимо удалить из Рады главных „смутьянов“. Ген. Покровский предложил оцепить Раду войсками, схватить и на месте расстрелять целый ряд самостийников, после чего Рада выберет атаманом, кого ей прикажут.

Ген. Врангель не позволил ген. Покровскому делать какие бы то ни было выступления без его на то согласия, поставив перед ним пока что одну задачу — арестовать Кулабухова, что нормально можно было сделать лишь с согласия кубанской власти. Сам же он решил выехать в Кисловодск, чтобы там выждать момент, когда надо будет действовать, поручив ген. Науменко ежедневно по прямому проводу осведомлять его о ходе событий.

Ген. Науменко, как видим, очень хорошо и заранее знал о готовящемся насилии над Кубанским Краем, но он не только не предупредил об этом Кубанское Правительство, но и сам принял деятельное участие в заговоре и в подготовке разгрома Краевой

Рады. (Подлинная роль ген. Науменка во всей этой преступной и гнусной истории стала известна много позже, уже на эмиграции. Теперь выяснилось вполне точно, что ген. Науменко также, как и ген. Деникин, и ген. Врангель и ген. Покровский, считал, что „стукнуть“ необходимо, — так он сам сказал в ответ на вопрос проф. Соколова в конце вышеупомянутого совещания, — считает ли он, ген. Науменко, неизбежным принятие крайних мер.)

* * *

Войсковой Атаман и Кубанское Правительство, узнав о предании суду Быча, Кулабухова, Савицкого и Намитока, уведомляют телеграммой ген. Деникина и ген. Врангеля, что члены парижской делегации, как дипломатические представители Кубанского Края, пользуются неприкосновенностью, и что судить их имеет право только кубанский суд, почему приказ ген. Деникина о предании их суду нарушает права кубанской власти и оскорбляет население Кубанского Края, которое имеет право требовать срочной отмены этого приказа. (Телеграмма эта ген. Науменко была известна, но это обстоятельство не остановило его от дальнейшего участия в заговоре против Кубанского Края.)

Вместо ответа Кубанскому Правительству ген. Деникин, осведомленный Врангелем об окончательном плане, выработанном на сове-

щании с ген. Науменком и ген. Покровским, приказывает по телеграфу ген. Врангелю немедленно исполнить его приказ и „принять все меры к прекращению преступной агитации в Екатеринодаре“, т.-е. произвести аресты членов Рады и предать их военно-полевому суду.

Нужно сказать, что в своем начинании ген. Деникин опирался не только на монархические добровольческие круги с их кубанскими приспешниками, а и на широкую русскую общественность, не исключая и либеральной и даже „демократической“ ее части.

Стоит припомнить, что писали в то время русские люди в своих газетах. Все они очень горячо приветствовали выступление ген. Деникина.

„О приказе ген. Деникина не может быть двух мнений“. — Писал „Приазовский Край“. — „Выход из создавшегося положения, или вернее созданного авторами договора положения, только в предании их суду...“

„Настала минута теперь или никогда положить предел сепаратизму, выливающемуся в открытую измену. Это нужно сказать твердо“. — Требовала „Свободная Речь“.

„Отныне г. Быч и его приспешники не политические деятели, с которыми можно спорить и договариваться, а изменники, изобличенные в посягательстве на единую Россию... Сами предатели и их ближайшие друзья, конечно, прекрасно понимают к чему клонится

дело... Несмотря на приказ об аресте, г. Кулабухов еще гуляет на свободе...“ — Науськивала та же кадетская газета.

А ростовская кадетско-профессорская газета „Жизнь“ находила, что „небольшая группа преступных людей, присвоивших себе на Кубани несуществующее право суверенной государственной власти, подняла открытый бунт против Верховного Командования вооруженными силами на Юге России“.

Не удержались, конечно, и кубанские единомыслицы от проявления своих чувств.

„Самостийников нужно рассматривать, как государственных преступников, в отношении которых нужно применять самые сильные меры наказания“. — Так исповедывался ген. Гейман сотруднику газеты „Жизнь“.

* * *

Между тем ген. Науменко, „это — по характеристике охранника полковника П. В. Карташева — светлое имя, незараженное самостийностью, самый ревностный борец за честь и славу кубанского казачества и за единую неделимую великую Россию“, докладывает ген. Врангелю по прямому проводу:

„С Радой ничего не выходит. Члены Рады идут на рожон. Прошу приказать ген. Покровскому ничего не предпринимать до нашего личного разговора. Нам необходимо переговорить лично. Когда вы думаете приехать сюда или, быть может, мне приехать к вам?“

На это ген. Врангель ему ответил:

„Решайте это сами. Если вы думаете, что присутствие ген. Покровского в Екатерино-даре нежелательно, то я могу связаться с Таганрогом (где был ген. Деникин. П. С.) и просить вызвать его, или вызову его сюда.“

Дальнейший ход событий, таким образом, попал в зависимость от решения ген. Науменка, как быть с ген. Покровским.

Генерал Науменко на другой же день едет к Врангелю в Кисловодск.

В Кисловодске ген. Врангель, обсудив с ген. Науменко положение, решают, что ген. Покровский должен арестовать Кулабухова и ряд других членов Рады, сочувствующих Кулабухову, и немедленно предать их военно-полевому суду, который должен быть сформирован при бригаде полк. Буряка. Сам ген. Науменко постарается от имени ген. Врангеля убедить Войскового Атамана ген. Филимонова подать в отставку. После того, как Атаман приймет то или иное решение, ген. Науменко передаст ген. Покровскому приказ ген. Врангеля № 162, в котором после изложения вышеприведенной телеграммы ген. Деникина значилось: „Призываю вам с получением сего арестовать члена парижской делегации Кулабухова, а равно всех тех лиц из числа намеченных вами, деятельность коих имеет определенные признаки преступной агитации в связи с текущим политическим моментом. Арестованных лиц немедленно предайте военно-полевому суду, каковой сфор-

мируйте при бригаде полк. Буряка и приговор суда приведите в исполнение безотлагательно".

Когда ген. Науменко был в Кисловодске у ген. Врангеля, последний получил от ген. Деникина телеграмму, в которой, между прочим, говорилось, что, если представится необходимым, Кулабухов может быть для осуждения препровожден в Таганрог. В это же время ген. Науменко условился с ген. Врангелем относительно своей кандидатуры в Войсковые Атаманы.

Возвратившись в Екатеринодар, ген. Науменко старательно продолжает подготовку насилия над Радой. Тут, между прочим, обнаружилось, что, как подробно и не обсудил он все дело с ген. Врангелем, однако, они оба забыли об одном, а именно: на каком же все таки основании ген. Покровский будет распоряжаться войсками. И вот 2. XI. ген. Науменко докладывает по прямому проводу ген. Врангелю: „Первое. Разговаривал с ген. Покровским. Он ждет вашего распоряжения. Не найдете ли вы необходимым назначить его командующим войсками тылового района армии? В случае положительного решения этого вопроса, прошу телеграмму передать через меня.

Второе. Относительно Рады разговаривал с Атаманом, но не мог доказать ему, что нужно, чтобы он подал в отставку. Доказывал ему все выгоды этого, но напрасно. Думаю, что необходимо переговорить еще раз, и, если он останется при своем, тогда передать ген. Покровскому ваш № 162.

Третье. Прошу разрешить мне после этого выехать в Царицын и далее к корпусу.

Четвертое. Вчера разговаривал с ген. Покровским, у него все организовано, и он безусловно уверен“.

На это Врангель ответил:

„Прошу принять и передать по всем адресам следующую телеграмму:

— Екатеринодар. Ген. Покровскому. Копію Таганрог Наштаглаву. Царицын Наштармии. Назначаю вас командующим тылового района армии. Кисловодск. 2. XI. 10 ч. 30 м. утра. № 169. Врангель.

Второе. Главное командование настаивает на строгом выполнении своего наказа. Далее медлить нельзя.“

Русские круги встретили этот приказ ген. Врангеля с восторгом.

„Предательский удар нужно предотвратить, чего бы это не стоило“. — Писала „Жизнь“.

„Трудная и ответственная работа выпадает на долю вновь назначенного начальником тыла Кавказской армии ген. Виктора Леонидовича Покровского. И мы твердо верим, что и на этом посту он проявит себя тем же доблестным неустрашимым воином, тем же горячим, прямолинейным патриотом, каким его помнят участники Кубанского похода и Царицынской эпопеи.“

Похвалил до известной степени дело своих рук и ген. Науменко. Подтвердив в беседе с сотрудниками газет стремление самостийников вступить в соглашение с Петлюрой, Гру-

зией, Азербайджаном и Горцами, он заявил, что „включение Кубани в тыловой район Кавказской армии отнюдь не означает упразднения Краевой власти и подчинения ее командующему армией, но оно дает право последнему, помимо Краевой власти, осуществлять военные мероприятия, что в нынешнем положении на Кубани, грозящем общему делу, может представляться необходимым... Твердый характер и громадная энергия ген. Покровского достаточно известны кубанцам, и, надо полагать, при нем в тыловом районе Кавказской армии будет вполне спокойно“.

* * *

Совершенно иначе посмотрела на все эти преступные начинания Краевая Рада. Обсудив в заседании своем 2. XI. приказ ген. Деникина о предании военно-полевому суду членов парижской делегации и принимая во внимание, что члены парижской делегации являются дипломатическими представителями самостоятельного кубанского государственного образования и потому пользуются полной неприкосновенностью, что ответственны они лишь перед Радой, а не перед какой бы то ни было другой властью, что, согласно Кубанской конституции, их, как членов Рады, можно задержать и судить лишь с согласия Рады, что приказ Деникина неподчиненному ему Атаману Кубанского войска нарушает суверенные права Кубанского Края, Рада единогласно постановила:

„1) протестовать самым энергичным образом против упомянутого приказа ген. Деникина и 2) требовать срочной отмены его.“

По поводу об'явления Кубани тыловым районом Кавказской армии и назначения ген. Покровского командующим войсками, Рада тогда же и также единогласно, при одном воздержавшемся, постановила: ввиду того, что на Кубани может действовать лишь власть, установленная на точном основании Кубанской конституции,

— „*a)* вышеупомянутые распоряжения не имеют и не могут иметь для Кубанского Края никакой силы;

б) вся гражданская и военная власть в пределах территории Кубани принадлежит исключительно органам высшей власти Кубанского Края как в законодательстве, так и в управлении;

в) Кубанскому Войсковому Атаману и Правительству наблюсти за неуклонным исполнением всеми мерами Кубанской конституции и настоящего постановления“.

Конечно, эти резолюции никакого впечатления на заговорщиков не произвели, и если ген. Покровский, у которого все уже было готово, и не выступил немедленно, то только потому, что, решив сам пробраться в Кубанские Войсковые Атаманы, был занят переговорами с некоторыми членами Рады при посредничестве А. И. Литовкина о формировании нового Кубанского Правительства, послушного ему, во

главе с Скобцовым. (Последний от этой чести уклонился, так как у него был свой кандидат в Войсковые Атаманы, тот же самый, что и у ген. Врангеля — ген. Науменко.)

Эта непонятная для непосвященных медливость ген. Покровского волновала русских единонеделимцев, и они стараются подтолкнуть его к решительным мерам. „Нельзя представить себе“, — писала профессорско-кадетская „Жизнь“, — „более открытой и наглой измены, более яркого и открытого способствования видам большевиков, чем злодеяние, которому сейчас так усердно служит преступное екатеринодарское скопище, присвоившее себе звание Рады... С того момента, как Рада об'явила, что распоряжения генерала Врангеля, основанные на приказах Верховного Главнокомандующего, не имеют никакой силы по отношению к Кубанскому Краю, Рада перестала существовать, как законный орган охраны и представительства местных интересов. С этого момента перед нами шайка мятежников, следующих указаниям врагов России и подымающих мятеж в тылу для содействия поражению кубанских войск на фронте... Об'являя изменников дипломатическими представителями самостоятельного государственного кубанского образования, Рада сама становится открыто на путь расчленения России, совершая этим акт государственного преступления... Отказываясь выполнить приказ Главнокомандующего Кавказской армии о под-

чинении ген. Покровскому тыла, Рада становится на путь открытого бунта, который никакая государственная власть допустить не может...“ „Слова не действуют, убеждения не помогают. Единственный верный способ — традиционный Петровский — „вздернуть на дыбы“...

* * *

В ночь с 4 на 5 ноября начинается подготовка к военным действиям. Офицеры отряда полк. Карташева занимают вокзалы и размещаются по дворам главных площадей и улиц Екатеринодара, а около Рады появляются пулеметные посты. 5. XI. в 8 ч. 30 м. вечера Рада, осведомленная об этом, принимает революцию о посыпке делегации к ген. Деникину для переговоров по поводу создавшегося положения.

Тем временем ген. Покровский пробует сговориться в атаманском дворце с чуждыми самостийности Войсковым Атаманом и членами Рады, приверженцами Добрармии, относительно ареста неугодных ген. Деникину членов Рады в количестве 34 душ, главным образом черноморцев. Члены Рады высказались против. После долгих разговоров ген. Покровский заявил, что он, пожалуй, ограничится арестом, кроме Кулабухова, еще 6 лиц: П. и И. Макаренков, С. Ф. Манжулы, Ф. К. Воропинова, Роговца и К. А. Безкровного, при чем, если

их не выдадут ему до 12 часов дня 6 ноября, будет употреблено оружие.

Войсковой Атаман едет в Краевую Раду и сообщает ей о требовании ген. Покровского. Рада единогласно, при трех воздержавшихся, решает отказать в выдаче ген. Покровскому названных выше своих членов.

Рано утром на другой день, 6 ноября, ген. Покровский занимает казаками бригады полк. Буряка и кубанскими юнкерами все главные улицы Екатеринодара и окружает Раду, а Войсковой Атаман ген. Филимонов приглашает к себе членов Рады Сушкова, Скобцова, Горбушина, Аспидова и ген. Н. М. Успенского на совещание по вопросу, что делать дальше. Ген. Успенский говорит, что ген. Филимонов, как Войсковой Атаман, должен выйти к казакам, стать во главе их и разогнать „этую сволочь“, т. е. Кartaшевских офицеров во главе с ген. Покровским. Но ген. Филимонову этот проект не понравился, и он приглашает ген. Покровского, чтобы окончательно установить, чего он хочет.

Полупьяный, с нагайкой в руках, ген. Покровский заявил, что теперь он требует ареста не 6 душ, а прежнего количества. „А что вы будете с ними делать? — спросил один из присутствующих. „Повешу!“ — резко ответил ген. Покровский. Бледный, как стена, встал с своего места ген. Успенский, все время молча курившый трубку, подошел к ген. Покровскому и, едва здравиваясь, сказал: „Прежде, чем

вешать их, повесьте меня, молодой человек! Но только пошлите ко мне за веревкой, а то ведь у вас и ее порядочной не найдется!"

Ген. Покровский смущился и заявил, что, пожалуй, он может ограничиться арестом всего 12 душ, фамилии которых тут же назвал, при чем дал „слово русского офицера“, что жизни их никакая опасность не угрожает, и пообещал не препятствовать сношению Рады с ген. Деникиным, оставив в атаманском дворце всех, кого арестует, до выяснения их участия.

Из присутствовавших член Рады Аспидов вызвался отправиться в Раду, чтобы сообщить ей об окончательных требованиях генерала Покровского. Последний согласился на это с тем, чтобы прочие участники совещания оставались во дворце до получения вестей из Рады. Аспидов уехал в Раду, а вскоре за ним поехал туда и ген. Покровский. Пока он ездил, его офицеры арестовали Кулабухова, который с утра находился во дворце, и которому ген. Филимонов своим атаманским словом гарантировал неприкосновенность, и увезли его в штаб ген. Покровского на Соборной улице, в доме Фотиади. Когда же оставшиеся во дворце члены Рады хотели отправиться в Раду, чтобы уведомить ее о случившемся, то оказалось, что все они арестованы; ген. Покровский снял атаманский караул и все выходы из дворца занял юнкерами, строго-на-строго приказавши им никого не выпускать из дворца без его разрешения. Попробовали было связаться с Ра-

дой по телефону, но главная станция была занята офицерами ген. Покровского и отказалась соединить с Радой даже Войскового Атамана.

По пути к Раде казачьи войсковые части радостно приветствовали ген. Покровского своим могучим „ура“.

Между тем в Раде, как только началось заседание и стало известно последнее требование ген. Покровского, член Рады П. Л. Макаренко заявил, что в виду требования ген. Покровского выдать не только Кулабухова, а и других членов Рады, он и другие намеченные ген. Покровским члены Рады решили добровольно отправиться в атаманский дворец, чтобы избежать насилия над Радою со стороны войск. (Своих же казаков).

Председательствующий в Раде Султан Шахим-Гирей, выполняя требование Войскового Атамана, приказал снять казачьи караулы, охранявшие Раду („отряд Рады“), и в Раду введены были юнкера, обезоружившие охрану Рады.

Во дворец явились: П. Л. Макаренко, С. Ф. Манжула, полк. Роговец, Ф. К. Воропинов, полк. Феськов, сотник А. И. Балабась, Г. В. Омельченко, В. С. Жук и Подтопельный.

Не взирая на свое обещание, ген. Покровский в тот же день арестовал их там и перевел в свой штаб. Полк. К. Ф. Гончаров, больной тифом, был арестован на дому и отправлен в тот же штаб. И. Л. Макаренко скрылся, и его никак не могли найти, хотя он и не выезжал из Екатеринодара. К. А. Без-

кровный в это время в Раде не был, о решении подлежащих аресту членов Рады итти во дворец не знал и ареста избежал. Но ген. Покровский вместо него арестовал его сына, 17-летнего гимназиста. Узнав об этом, Безкровный на другой же день сам присоединился к арестованным.

В списке подлежащих аресту было и два черкеса — товарищ председателя Рады Султан Шахим-Гирей и член Рады Мурат Гатагогу. Но ген. Султан Келедж-Гирей заявил ген. Покровскому, что он не допустит их ареста. Ген. Покровский перед таким категорическим протестом спасовал и уступил. Но оба эти члены Рады заявили, что желают разделить участь своих товарищей, и они были посажены под арест на квартире Султана Келедж-Гирея. (Там они и пребывали, пока не были вывезены в Новороссийск, где соединились с своими коллегами.)

После ухода подлежащих аресту своих членов, Рада принимает резолюцию о посыпке к ген. Деникину делегации для переговоров о взаимоотношениях между ним и кубанскими законодательными установлениями. Кроме того, Рада постановляет просить генерала Деникина: 1) чтобы следствие и суд над членами парижской делегации (Кулабуховым) были организованы кубанской судебной властью при участии представителей ген. Деникина, если он того пожелает; 2) арестованных членов Рады освободить, а если это невозможно, то пере-

дать их кубанской судебной власти; 3) передать командование тыловыми армейскими частями в пределах Кубанского Края Кубанскому Войсковому Атаману.

* * *

После закрытия заседания Рады ген. Покровский снова об'езжает войска, которые снова приветствуют его криками „ура“. Как признался он позже, в успех он не особенно верил, так как боялся, что казаки будут защищать Раду.

Осведомившись о решениях Рады, Войсковой Атаман пробует послать ген. Деникину телеграмму с просьбой выслушать делегацию Рады, которая едет к нему, но ген. Покровский не позволил эту телеграмму передать по назначению.

Тем временем военно-полевой суд в составе казаков-кубанцев — председателя полк. Ипполита Камянского и членов — есаула Лычева, есаула Прудая, есаула Зекрача и есаула Харина судит Кулабухова и приговаривает его к смертной казни через повешение, а ген. Покровский приговор этот утверждает.

В тот же день вечером Войсковой Атаман, испросив разрешение ген. Покровского и в его присутствии, просит по прямому проводу начальника штаба ген. Деникина — ген. Романовского „во имя моря пролитой казачьей крови принять меры, чтобы этот приговор не был приведен в исполнение“. Ген. Романовский обещает доложить об этом ген. Деникину и о результате уведомить его по телеграфу.

Ночью ген. Покровский получил от ген. Романовского телеграмму, которой сообщалось, что „Главнокомандующий просьбу Войскового Атамана отклонил“.

Переславши эту телеграмму Атаману около 5 часов утра, ген. Покровский приказывает исполнить приговор суда над Кулабуховым немедленно, хотя и обещал делегации Рады, которая поехала к ген. Деникину, не делать этого, пока не выяснятся результаты ее поездки.

Кулабухов был священником, и по закону казнить его прежде, чем духовная власть снимет с него священнический сан, нельзя было. Но для командования Добрагмии никаких законов не существовало, и в 7 часов утра, 7 ноября, на исторической Крепостной площади Екатеринодара, возле могил Н. С. Рябовола и К. Л. Бардижа, мученически убитых белыми и красными „русскими людьми“, за качался на виселице еще один мученик за волю Кубани. Повесили Кулабухова в бешмете и черкеске, а на грудь ему была прикреплена надпись: „За измену России и казачеству“.

* * *

С быстрой молнией страшная весть облетела Екатеринодар, и „русские люди“, которыми была переполнена тогда столица Кубани, толпами хлынули на Крепостную площадь, полюбоваться проявлениями русской твердости и мощи. „Жаль, что только одного“ — раздавались недовольные возгласы. „Не беспо-

кайтесь, скоро заболтается еще десяточек-полтора" — успокаивали более бодро настроенные творцы единой неделимой. „Покровский еще пропишет всем этим самостийникам...“

Радовалась и преса. „Кубанский Путь“, газета, которую издавал Фендриков, пишет „о справедливом возмездии за расчленение России“ и противопоставляет Кулабухову своего сотрудника Долгополова: „В то время, как г. Долгополов возвращается из заграницы с громаднейшими запасами ценного имущества..., г. г. Кулабуховы едут следом за ними с портфелями, перегруженными изменническими меморандумами и договорами дружбы“.

„Жизнь“ с торжеством возвещала: „Ликвидация самостийного бреда Бичеволов является хорошим уроком не только для всех разлагателей власти, но и для самой власти. Твердая рука власти взяла за шиворот предателей и глупцов, безумно помогавших большевизму“.

„Вечернее Время“ на другой день после казни Кулабухова ликовало: „Вчера был один из счастливых дней тяжелой, но славной истории Добрармии. В этот день дух доблести и силы, которыми живет она, одержал победу... Предатели и изменники понесут строгое и заслуженное наказание... Нам особенно важна эта победа и дорог этот день.“

Не отставала и „Заря России“: „Подлая измена, назревавшая на Кубани, измена не только своим родным очагам, но и общей нашей ма-

тери России, вырвана с корнем... Велик Бог земли Русской! Страшную опасность для Кубани и для всей России во время заметил великий вождь возрождающейся России и мощной рукой вырвал измену... Кулабухов повешен. Другие ждут своей очереди“.

Похвалили, конечно, и свои. Войсковой Атаман генерал Филимонов в приказе по войску утверждал, что теперь „причина внутреннего разлада и недоразумений с корнем вырвана“, а Скобцов говорил в Раде, что „Рада с честью вышла из тяжелого положения, отмежевавшись от самостийности и сохранив в то же время казачьи вольности“.

„Я был очень удовлетворен, — восхищался Шкура в беседе с газетным сотрудником, — узнав, что самостийники, как и следовало ожидать, провалились совершенно... Меры, принятые главным командованием, успокоят население“.

* * *

Того же 7 ноября приехал в Екатеринодар ген. Врангель. Его торжественно встречают на вокзале генералы Филимонов, Наumenко, Покровский и многочисленные русские делегации. Врангель едет в Раду, где произносит речь, в которой определенно говорит о необходимости изменить Кубанскую конституцию. В ответ на речь Врангеля член Рады Д. А. Филимонов обратился к нему с просьбой от имени Рады об освобождении арестованных и передаче их в руки Рады. Врангель ничего

не ответил и оставил Раду, которая после этого избрала депутацию для переговоров с ним по этому поводу. Делегацию он принял, но заявил ей о твердом своем решении „не оказывать послабления в отношении арестованных“, и тут же дал понять, что, если Рада изменит конституцию, то это благоприятно отразится на их участии. То же самое он сказал и приглашенным специальной запиской членам Рады. Причем, передавая Скобцову проект Кубанской конституции с изменениями, желательными ген. Деникину, спросил, сколько времени необходимо Раде на проведение в нормальном порядке этих изменений. „Около недели“ — был ответ. „Ого!“ — вмешался присутствовавший ген. Покровский. „Не думаю, что тем, о ком вы хлопочете, будет особенно приятно выжидать ваших решений, зная приговор военно-полевого суда“, и добавил, что он уже приказал приготовить одиннадцать виселиц. Это подействовало на членов Рады, и они заявили, что доложат Раде о необходимости провести изменения конституции в спешном порядке в течение суток.

На другой день, 8. XI, член Рады Троценко выступает в Раде с докладом „о необходимости сделать кое-какие изменения в настоящих действующих Временных правилах об управлении Кубанским Краем в целях усовершенствования устройства управления, предупреждения осложнений в Крае и сохранения жизни арестованным членам Рады“.

Эти последние слова докладчика в связи с тем, что на Крепостной площади все еще висел труп Кулабухова, как грозное указание на то, что может ожидать арестованных, а может быть кой-кого и из находящихся на воле, повлекли за собою то, что Рада без прений, по докладу члена Рады Каплина, приняла все изменения Кубанской конституции, какие требовал ген. Деникин, правда, в редакции не Соколова, а своей. Она, во-первых, уничтожила ненавистную Добрагмии своею защитою прав и интересов Кубани Законодательную Раду и, во-вторых, расширила права Войскового Атамана. (Этого ген. Деникин добивался в надежде, что Атаманом будет „свой“ человек и в первую очередь ген. Покровский. Как известно, расчеты его не оправдались; Рада нашла в себе достаточно мужества, чтобы молча пройти как мимо палача ген. Покровского, так и другого „своего“ для Добрагмии человека, предателя ген. Науменка, хотя его и поддерживал усиленно Скобцов, попавший в заместители председателя Рады, и вручила булаву в чистые и благородные руки генерала Успенского).

Как только Рада сделала то, чего от нее требовал ген. Деникин, труп Кулабухова был снят с виселицы и выброшен на свалки, а ген. Врангель протелеграфировал ген. Деникину: „Идя на встречу высказанным мною пожеланиям, Краевая Рада приняла закон об управлении Кубанским Краем, пойдя в этом на-

правлении далее моих предположений. С своей стороны, удовлетворяя ходатайство Рады, обещал сохранение жизни преданным суду лицам". В ответ на это ген. Деникин приказал ген. Покровскому „помиловать арестованных членов Рады, заменив угрожавшее по суду наказание высылкой за пределы России“.

Действительно, вскоре всех арестованных, за исключением ранее освобожденного ген. Покровским члена Рады Подтопельного и большого Гончарова, вывезли в Константинополь и там спустили на берег.

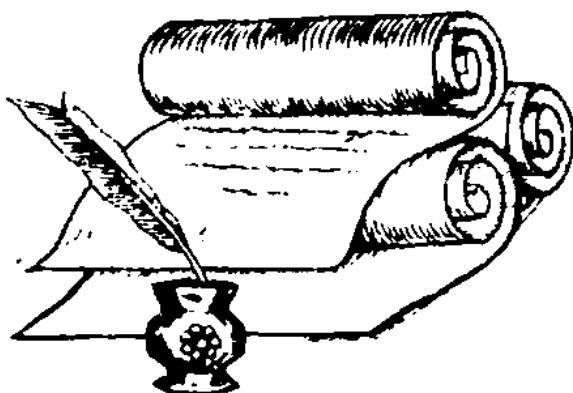
„С из'ятием кучки негодяев“ — хвалился ген. Врангель — „Рада сразу стала на государственную точку зрения, что и доказала своими первыми шагами на пути создания твердой власти... Лично я считаю, что с самостоятельностью в том виде, в котором она была на Кубани, совершенно покончено“.

И Добрармия и все русские и кубанские единонеделицы радовались успеху. А население городов, станиц, сел и аулов Кубанского Края, не успевшее еще успокоиться после убийства добровольцами председателя Краевой Рады Н. С. Рябовола, кипело негодованием. Наверное, не было ни одной станицы, где бы на станичных сборах не обсуждалось поведение Добрармии и где бы не было названо собственным именем это поведение. Кубань горела ненавистью к бывшему своему союзнику — Добрармии. И прошло каких нибудь полтора месяца, как не взирая на то,

что кучка „негодяев“ сидела в Константино-
поле, Краевая Рада отменила все вырванные
у нее преступным насилием изменения кон-
ституции и восстановила Законодательную
Раду, а генералы Врангель и Покровский спе-
шили незаметно улизнуть за пределы Кубани.
Генерал же Науменко, если и оставался в пре-
делях Края и даже командовал корпусом, то
только потому, что тогда никто не знал о его
предательстве, иначе едва ли бы он попал
в лемносские атаманы при помощи Скобцова
и с благословения ген. Врангеля, давших своих
друзей и покровителей, которые только тут,
на этом острове, вознаградили его, наконец,
за верную службу Добрармии и за измену
родному Краю. Гибели Кулабухова Кубанский
Край ему бы не простил.

Октябрь 1930 г.

Карловы Вары, Чехословакия.

Видавництво
„Кубанський Край“

ч. 9.

—
Досі вийшли:

- ч. 1. Конституция Кубанского Края.
- ч. 2. І. Василенко. Хто живе на Кубані.
- ч. 3. П. М-ий. К истории Кубанской власти.
- ч. 4. Є. Скарбниченко. Всесвітні брехуни.
- ч. 5. Є. С-о. Про хлібозаготівлю на Кубані.
- ч. 6. І. Василенко. Колонія.
- ч. 7. Є. Олексієнко. Південь та Північ.
- ч. 8. Є. Олексієнко. Демократія й „Совіти“.
- ч. 9. П. Сулятицкий. Разгром Кубанской Краевой Рады в ноябре 1919 года.